

А.А. ГРИЦАНОВ

ТОТАЛИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социально-философское осмысление природы человека современного Запада, а также реконструкция (посредством адекватной социальной теории) сущности соответствующего базисного типа личности, которые в самых разнообразных версиях были осуществлены в XX в., по ряду причин оказались незавершенными.

Основными предпосылками подобного положения дел правомерно рассматривать следующие:

а) базовая стратегия постижения человека современного Запада оказалась во многом сведена к построению схемы «авторитарной личности»¹, легитимированной в статусе исчерпывающей объяснительной модели хода оформления и институционализации социумов национал-социалистического и фашистского типов;

б) парадигма «авторитарной личности» органично дополнила тесно связанный с ней философский «перспективизм», предъявивший концепт «восстания масс»² в качестве фундамента для возможного описания механизмов становления антигуманных, антидемократических и антилиберальных режимов в Европе в 1920–1930-е гг.;

в) вопрос об основаниях значимой личностной поддержки советскими людьми коммунистического режима был вначале выведен «за скобки» научного анализа ввиду недоступности соответствующего эмпирического материала, впоследствии же — ввиду стремительного распада СССР — данная исследовательская задача перестала квалифицироваться как значимая.

Актуальность проблемы

Очевидные трудности в проведении модернизационных институциональных преобразований, а также значительная «пробуксовка» ин-

Грицанов Александр Алексеевич — кандидат философских наук, доцент, научный руководитель международного проекта «Гуманитарная энциклопедия» (Минск).

¹ *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М., 2001.

² *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2001.

новационных реформ в обществах и экономиках государств бывшего СССР принято объяснять посредством самых разнообразных подходов. При этом традиционно упускается из виду существенная причина торжества позитивных социальных изменений: достаточно архаичное качество «человеческого фактора» в державах, сформировавшихся «после коммунизма»³. Многомерная и разновекторная вивисекция базисного типа личности императорской России, осуществленная в период 1917-ого — конца 1980-х гг., несомненно, превосходит масштаб антигуманной расовой «мелиорации» населения Германии, реализованной в период 1933—1945 гг.

Без осмысления наиболее значимых характеристик «тоталитарной личности» разработка эффективных проектов кардинального общественного модернизационного переустройства, дополненная процедурами саниации существующих культурных предрассудков, невозможна (мы выносим «за скобки» важную проблему — вопрос субъектности возможного «мотора» данного процесса).

Авторитарная личность

Согласно немецко-американским социологам Т. Адорно, М. Хоркхаймеру и Э. Фромму, питательной средой для становления национал-социалистических и фашистских общественных систем выступала «авторитарная личность». В целом, для нее были характерны:

- непереносимость свободы;
- жажда самоутверждения и власти;
- агрессивность;
- ориентация на авторитет лидера, собственной социальной группы и государства;
- стереотипность мышления;
- конформизм;
- ненависть к интеллигенции и людям из других этнических групп и др.⁴

Сутью программы конструирования «авторитарной личности» было формирование «само-осуществляющего пророчества» (или самовозобновляющегося проекта) применительно к перспективному распаду американской культуры: для интенсификации этого процесса предлагались фрейд-марксистские методы. Адорно и Хоркхаймер утверждали авторитарный характер американской «нуклеарной семьи», усугубляемый верой заокеанского народа в трансцендентного монотеистического Бога.

³ Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., 1990.

⁴ Овчаренко В.И. Авторитарная личность // Психоанализ: новейшая энциклопедия / Сост. и общ. ред.: В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов. Мн., 2010. С. 12.

Это привело их к выводу о глубоко фашистском характере всех форм американского патриотизма. В результате выяснилось, что превращение Америки в «Четвертый рейх» станет неизбежным, если не будут произведены серьезные изменения в массовой культуре.

Признавая справедливость гипотезы о доминировании в диктаторских обществах европейского типа «авторитарных личностей», заметим, что личность, базовая для тоталитарного строя советского образца, по авторскому убеждению, в более значительной степени подвержена социальному манипулированию со стороны властей, а также радикально склонна к консервации и воспроизводству массовых заблуждений, свойственных ментальности «закрытого общества».

Понятие «идентичности» и его инструментализация

Согласно ряду экспертных оценок и характеристик, идентичность есть «соотнесенность чего-либо (*имеющего бытие*) с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве (*наблюдателем*, рассказывающим о ней себе и *другим* с целью подтверждения ее саморавности)»⁵.

В этом рефлексивном контексте можно предположить, что рассмотрение «тоталитарной личности» в качестве субъекта, обладающего особой идентичностью, может опираться на следующие предварительные проблематизирующие основания:

1) трактовку «идей Просвещения» как основы тоталитарных дискурсов, предложенную социальной теорией Франкфуртской школы. В социально- и историко-философском измерении проект коммунистического тоталитаризма может быть охарактеризован как интеллектуальное явление эсхатологического и сотериологического порядка, выступившее своеобразной гипнотизирующей мутацией идеи о неограниченности и линейности общественного прогресса, присущего западноевропейской философии истории конца XVIII – середины XX в. Большевики захватили власть во имя реализации утопического идеала всеобъемлющего и справедливого равенства, выработанного радикальным крылом западного Просвещения (в основном в эпоху Великой Французской революции);

2) методологическую установку Ю. Хабермаса, согласно которой идентичность может быть реализована прежде всего в межсубъектном (интерсубъективном) пространстве диалога-коммуникации. Личность проецирует себя в интерсубъективный горизонт жизненного мира, полу-

⁵ Абушенко В.Л. Идентичность // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн., 2003. С. 344.

чая «гарантию» собственной идентичности от «других», вменяющих ей ответственность: «...соответственно, моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность»⁶;

3) понимание «базисной личности» тоталитарного общества как особого личностного типа, способного органично реализовываться в самом широком (в пределе: до сочетания крайностей, достигающем состояния их противоречия) диапазоне разнообразных «культурных идеалов личности».

Социологическое осмысление «пластичного типа» идентичности может быть корректно осуществлено посредством использования статусно-ролевых концепций: а) личности и б) социализации.

То есть речь может идти об: а) исследовании соответствия предписываемой социальным статусом нормативной роли личности — ее ролевому исполнению. Одновременно: б) необходимо истолкование социализации как усвоения личностью соответствующего ролевого репертуара. Тем самым пластичная идентичность отождествляется с удачно исполняемой социальной ролью (даже в ситуации полного «оборачивания» внешних общественных условий и принципиально нового «социального заказа»), а ролевой конфликт, в свою очередь, квалифицируется как «кризис идентичности».

Управляемая «гражданская идентичность» как основание идентичности тоталитарной личности

Традиционно в качестве фундамента собственно личностной идентичности в обществах закрытого типа выступает «гражданская идентичность», т.е. осознание индивидом принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для данного конкретного человека значимый смысл⁷.

В данном случае индивиды интегрируются в гражданскую общность посредством осознания ими собственной принадлежности к ней. Гражданская идентичность рассматривается в данной ситуации как компонент социальной идентичности, т.е. личного знания о том, что «персона» принадлежит некоторой социальной группе вместе с эмоциональным и

⁶ Там же. С. 347.

⁷ *Водолажская Т.В.* Идентичность гражданская // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн., 2003. С. 349.

ценностным индивидуальным смыслом ценности данного группового членства. Для подобного индивида функция «гражданского отождествления себя» выступает способом реализации базисных потребностей личности в принадлежности к группе⁸. Чувство «единого мы», объединяющее человека с большой (гражданской) общностью, позволяет ему чувствовать себя более уверенно во взаимодействиях со сложной, постоянно изменяющейся общественной реальностью. Знание о принадлежности к гражданской общности предполагает наличие представлений (обычно — в случае бытия тоталитарной личности — неполных, неадекватных и противоречивых) об идентифицирующих признаках, принципах и основах данного объединения, о характере взаимоотношений гражданина и государства и граждан между собой.

«Враг народа» как персонифицированная точка складывания гражданской идентичности советского типа

В ходе формирования тоталитарной личности как базисного социального субъекта советского общества главным механизмом этого процесса выступило конструирование в высшей мере динамичного образования — фигуры «врага народа». В данном случае под «врагом народа» правомерно понимать абстрактный негативный персонаж, атрибутивно присущий идеологии, социальной мифологии и карательной практике тоталитарных государственных режимов.

Массовая социальная практика идентификации (преимущественно путем произвольного ситуационного назначения), избличения и наказания «врагов народа» восходит к мероприятиям якобинской диктатуры во время Великой французской революции. «Враги народа» вкупе со структурами «общественной безопасности», противодействовавшими им, совместно формировали несущую конструкцию оправдания террористического революционного режима.

Фиксация (на социологическом уровне) социальной категории «враг народа» была осуществлена в первые годы советской власти. В ряде директив органов ЧК были скрупулезно перечислены общественные слои и группы в составе населения Советской России, подлежащие физическому уничтожению. В частности, к ним относились: аристократия и дворянство, служители религиозных культов, офицеры, отказавшиеся нарушить царскую присягу, купцы; предприниматели и т.д.

«Враг народа» как фигурант ретроспективных социальных описаний предполагался активно включенным в совокупность значимых для госу-

⁸ Там же.

дарства общественных связей, а также субъектом выработки ряда общезначимых решений. Тем самым невозможность прогнозирования разрушительных последствий осуществляемых социально-экономических программ (нормативная для тотального планирования) сводилась к результатам деструктивной активности коллективных или индивидуальных «врагов народа».

Перманентное присутствие «врагов народа» в официальных документах и социально-исторической мифологии тоталитарного государства — итог централизации всего содержания официозных идеологических систем подобного типа вокруг нескольких личностно-олицетворяемых полюсов. Участники одного из них (определяемые *post factum* на основе статистически неопределенных процессов осуществления аппаратных интриг) неизбежно оказывались обреченными быть принесенными в жертву процедуре идеологического зомбирования населения (Н. Бухарин, Л. Каменев, Г. Зиновьев, М. Тухачевский, Л. Берия — в СССР, группа Линь Бяо в КНР и т.д.).

Ослабленной версией ипостаси «врагов народа» выступали для КПСС (после ее отказа от оздоровительных процедур самоочищения посредством фрагментарной самоликвидации) высокопоставленные активисты различных «уклонов» внутри партии: Г. Маленков, В. Молотов, Л. Каганович, Н. Хрущев и т.п.

Стремительная трансформация (акцентированно наглядная) политического лидера высшего эшелона в представителя социальной категории «враг народа» являет собой коммуникационную ипостась одного из важнейших механизмов социального контроля при социализме советского образца и в ряде государств посткоммунистического типа. Широта диапазона поиска и идентификации «врагов народа» (от рядового вора до высшего чиновника) внешне эффективно противодействует любым потенциально осуществимым объективациям «кризисного сознания» индивидов в условиях многомерной эрозии устоев существующего социума.

Основным механизмом обеспечения чувства гражданской идентичности в современном обществе «закрытого типа» является вынесение за пределы легитимности всех граждан, пытающихся обеспечить себе определенную автономию в выражении собственных мыслей; о каких-либо осознанных неконформистских действиях (особенно публичных и организованных) речь вообще не идет.

В этой связи становится понятной идея В. Чалидзе, согласно которой «демократией» правомерно называть не форму «правления народа» (внешние признаки которой в избытке присутствуют в обществе тоталитарного типа), а «форму правления обществом, при которой допускается

более или менее свободное соперничество иерархий и свобода образования новых иерархий»⁹.

В контексте проблемного поля данной статьи необходимо зафиксировать, что поскольку критерии выбора «врагов народа» всегда отличались предельно высокой мерой произвольности (произвола), постольку весь механизм социальной дрессуры, применяемый архитекторами и прорабами проекта, именованного «советский народ», мог в любой момент и с высокой мерой произвольности оборачиваться на прямо противоположных социальных субъектов.

Здесь достаточно вспомнить направленность генеральной идеологической и пропагандистской линии в СССР до августа 1939 г. и после подписания пакта с Германией. Особых смущений в массовом сознании разворот ее тональности не вызвал. Крайности в данном случае органично сошлись. На уровне повседневных идеологических и политических практик этот феномен впервые социологически зафиксировал и подверг психоаналитической рефлексии В. Райх. Он, в частности, отмечал, что «Гитлер, Муссолини и Сталин стали национал-социалистическими наследниками интернационального социализма Карла Маркса», обращая при этом внимание на то, что (согласно наблюдениям германских штурмовиков) из коммунистов получались качественные и убежденные национал-социалисты, из социал-демократов — никогда¹⁰.

Принципы организации социальной иерархии тоталитарных личностей

В наилучшей (по всей видимости) целостно осуществленной социологической реконструкции устройства сообщества тоталитарных личностей¹¹ российский социолог А. Зиновьев отметил ряд принципиально существенных моментов, характеризующих как генезис данного «анти-социального» образования, так и предпосылки его относительной устойчивости. По мысли Зиновьева, «...наша система власти... проделала длительную эволюцию... Первый этап — давить всех, кто подвернулся под руку, и давить так, чтобы все это видели и чувствовали, что настанет и их черед. Второй этап — давить, но по выбору и так, чтобы все думали, будто мы не давим, а охраняем достижения и воспитываем заблуждающихся... Третий этап — сделать так, чтобы давить было некого...»¹².

⁹ Чалидзе В. Иерархический человек. Социобиологические заметки. М., 1991. С. 208.

¹⁰ Овчаренко В. И. Психоаналитическая философия (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, В. Райх) // Современная западная философия: Учебное пособие / Под общ. ред. Т. Г. Румянцевой. Мн., 2009. С. 283-284.

¹¹ Зиновьев А. А. Зияющие высоты // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/zinov/zvys.php.

¹² Там же.

При этом Зиновьев отверг распространенный тезис о том, что на протяжении всего своего существования социалистический строй в Советском Союзе неизменно являл собой целиком навязанную силовым путем «сверху» общественную реальность. По Зиновьеву, однажды варварски насажденная путем беспрецедентного социального насилия социалистическая система оказалась весьма способной к расширенному самостоятельному и автономному воспроизводству путем перманентных репрессий со стороны власти, самоизоляции и сохранения архаичной структуры человеческих потребностей.

Социализм, согласно Зиновьеву, породил и впоследствии сделал практически беспредельно доминирующим и соответствующий тип личности: «Главным стимулом деятельности наиболее активной части общества становится достижение более высокого уровня потребления не путем реализации личных талантов и личного труда, а путем борьбы за более выгодные социальные позиции по законам этой борьбы, не имеющим ничего общего с талантами и трудом... это общество вообще глубоко враждебно всяким видам творческих проявлений...»¹³. Зиновьев утверждает, что социалистический принцип распределения не есть проявление некоей природной справедливости или результат произвольного законодательства. Он «есть результат совокупного действия массы волевых поступков людей и постоянно воспроизводится как таковой, закрепляясь в обычаях, законах, привычках... Каждый стремится урвать максимум, доступный ему по его положению. Максимальный кусок с минимальными затратами — вот святая святых этого общества, рядящегося в одежды заботы, великодушия, доброты, справедливости... [Советское] общество есть весьма сложная, дифференцированная и иерархическая структурированная система привилегий. Сложная система власти призвана сохранять и воспроизводить эту систему привилегий. [Советская] культура... создает систему лжи, маскирующую эту весьма прозаическую жизнь и изображающую ее как всеобщее равенство, справедливость, процветание»¹⁴.

Аналогичную апологетическую идейную нагрузку, призванную вуалировать откровенно паразитический характер правления правящего класса номенклатуры, несет, согласно версии Зиновьева, идея коммунизма как «светлого будущего всего человечества», призванного осуществить на практике лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям»: «Псизм (коммунизм. — А.Г.) есть высшая ступень социзма (социализма. — А.Г.) или полнейший социзм... На нижней ступени каждый

¹³ Зиновьев А.А. Зияющие высоты // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/zinov/zvys.php.

¹⁴ Там же.

индивид вкальвует по способностям, а получает в соответствии с тем, что он сделал. Как говорили в то время – по труду. Сознание при этом достигает такого уровня, что каждый индивид четко представляет, какие способности у него есть и каких нет, и за пределы своих способностей не вылезает. Общество располагает достаточно мощными средствами, чтобы не дать индивиду трудиться сверх своих способностей или по чужим способностям и убедить его в том, что он получил по заслугам... На высшей ступени индивиды продолжают вкальвывать по способностям, но получают уже не по заслугам, а по потребностям. Сознание при этом достигает такого чудовищного высокого уровня, что каждый индивид даже во сне помнит, какие потребности ему положено иметь и какие нет»¹⁵.

Немаловажное место в теоретических построениях Зиновьева, осуществляемых им в анализе общества «Зияющих высот», занимает гипотеза, согласно которой (вопреки распространенным мнениям) социализм отнюдь не является чем-то принципиально чуждым для «естественной природы» людей. Господство в обществе таких установок, в границах которых приоритет более интенсивного труда и талантов человека – основополагающая ценность, достижимо лишь на основе доминирования сопряженных с протестантской этикой культурных максим, религиозных догматов и идеологием. Природа же людей далеко не всегда и не везде соответствует подобным требованиям.

Социальные законы, с точки зрения Зиновьева, суть определенные правила поведения (действия, поступки) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия... они естественны, отвечают исторически сложившейся природе человека и человеческих групп: «меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т.д.»¹⁶.

Зиновьев существенно предвосхитил сценарии идеологических и мировоззренческих полемик о лозунге «больше социализма!» в СССР и подавляющем большинстве государств – его наследников на рубеже XX–XXI вв. Господство иерархически-распределительного принципа в отношении общественного богатства – атрибут социального строя такого типа: «Когда... утверждают, что не соблюдается принцип *от каждого по способностям, каждому по его труду*, то это есть свидетельство детски наив-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зиновьев А.А. Зияющие высоты // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/zinov/zvys.php.

ного непонимания сути дела. От каждого по способностям — это отнюдь не пропагандистски-демагогическое раскрытие всех способностей (хотя бы потому, что в массе люди посредственны, что способности суть отклонения от средней нормы), а принцип, согласно которому от человека требуется то, что он должен делать в данном его положении. Каждому по труду — это отнюдь не абсолютно справедливая доля продукта за фактически отданный труд, а доля продукта, которая считается справедливой человека в данном его положении. Это цена социальной позиции человека»¹⁷.

По мнению Зиновьева, «идея равенства в условиях [советского] общества имеет смысл, противоположный тому, какой она когда-то имела на Западе... Здесь идея равенства есть принцип власти, направленный не на себя, а только на подвластных. Суть его — не допустить того, чтобы человек добился за счет своих личных способностей и труда благ, положенных лицам определенного социального ранга, не занимая социального положения этого ранга»¹⁸.

Формирование тоталитарной личности

Старт процессу формирования тоталитарного типа личности в качестве базисной общественной категории советских граждан был дан уже в 1920-х гг. Инициирование кампании «ликвидации безграмотности» в ее коммунистической версии, окончательная ликвидация плюрализма прессы и литературы как таковой, уничтожение (в основном) религиозных учреждений обусловили антигуманные деформации значительной массы населения СССР.

Квинтэссенцию большевистской политики в сфере культуры и воспитания масс выразил Ленин в беседе с художником Ю. Анненковым, делавшим наброски к портрету коммунистического вождя: «Я, знаете, в искусстве не силен... Искусство для меня это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык! дзык! — вырежем. За ненужностью... Вообще к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг *ликвидировать безграмотность* отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы и воззвания. Цель вполне практическая. Только и всего»¹⁹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Зиновьев А.А. Зияющие высоты // Там же.

¹⁹ Басин Я.З. Большевизм и евреи: Белоруссия, 1920-е: Исторические очерки. Мн., 2008. С. 263.

Основным следствием подобного положения дел явилось то, что в «идейно-воспитательной» работе с «людьми тоталитарного образца» предпочтительным является ориентация на человеческие страхи, лапидарные социальные обещания, а также угроза перспективы незамедлительной потери единства с неизменно «сильнейшей стороной» потенциального политического конфликта.

Сформированность общественного типа «тоталитарная личность», а также начало его реального доминирования в стране и в государстве были впервые зафиксированы на эмпирическом уровне в ряде исследований отечественных социологов, посвященных реалиям общества после Сталина. Ликвидация реальной кастовости в структуре общества СССР (выражавшейся в наличии многомиллионной трудовой армии заключенных, отсутствии паспортов у колхозников до 1974 г., исключительном имущественном положении персонально подконтрольной вождю номенклатуры) лавинообразно привела к складыванию этого исторически нового социального типа.

«Тоталитарная личность» как социальная основа общества начала осмысливаться партийными экспертами и обществоведами в СССР (естественно, без использования соответствующих терминов) еще в 1970-х гг. Было отмечено определенное сходство между конформистской базой «массового общества» Запада — «средним классом», с одной стороны, и политически инертной, «агрессивно-послушной» и управляемой «общностью советского народа» — с другой. Описания перспективных тенденций изменения социально-классовой структуры общества в Советском Союзе, содержащиеся в программных документах КПСС и в Конституции СССР (1977), на уровне базовых идей вполне соответствовали теориям «среднего класса», доминировавшим в то время в социологии США.

Доминирование в составе советского народа усредненного типа личности стало главной характеристикой социологического образа общества в Советском Союзе. Для объективного наблюдателя также не составляло секрета и то, что в массовом порядке «тоталитарная личность» могла быть выведена лишь искусственно, в условиях перманентной консервации отживших социально-экономических отношений. (Применительно к условиям Беларуси данный феномен нашел отображение в безусловно пионерских социологических работах конца 1970-х гг. профессора Г.П. Давидюка о «маятниковых мигрантах», т.е. о жителях городов сельского происхождения — о «горожанах в первом поколении».)

Тоталитарная личность: механизмы производства и самовоспроизводства

Воспроизводство тоталитарного типа личности в условиях советского социума носило постоянный характер.

Создание монополизированной государством, моноидеологичной системы социально-гуманитарного воспитания людей (при тотальном запрете свободы слова, прессы и дискуссий) было осознанной политической властей. Соответствующий курс был обозначен в работах некогда главного идеолога большевизма Н. Бухарина (идея «переплавки» в «тигле» революции населения России в «новый человеческий материал») и осуществлен в полном объеме И. Сталиным в русле его программ государственного и партийного строительства. Проект создания «нового человека» и «новой интернациональной общности» советского народа являлся одной из задач «коммунистического строительства». Соответствующее идейное наполнение детско-садовых, школьных, вузовских программ, разнообразная система «школ» марксизма-ленинизма, «ленинских зачетов» исполняли функцию постоянно действующего социального фильтра. Задачи выявления и выбраковки ненормативного человеческого материала органично дополняли программы «воспитания» людей.

Важную роль в этом процессе также сыграла относительная долговременность (по сравнению с периодом доминирования «авторитарной личности» в обществах Западной Европы) существования «общества тоталитарных личностей». Это — период с конца 1920-х гг. (т.е. сталинской «революции сверху» — индустриализация, коллективизация, «культурная революция») до начала XXI столетия (в ряде государств СНГ). То есть три подряд поколения советских людей формировались в подобном культурно формирующем режиме. Возможности «штучной», непосредственно-личной просвещающей коммуникации в антитоталитарном духе в обществе Союза ССР были минимизированы. «Культурные катастрофы» 1917-го — 1930-х гг. (практически поголовное уничтожение образованных и национально-сознательных классов и слоев) свели данную перспективу к нулю (за исключением незначительной части населения культурных центров).

Существенно важно также и то, что доминирование тоталитарного типа личности на протяжении ряда последних десятилетий привело на постсоветском пространстве к такому массовому феномену, как «функциональная неграмотность». Существенная его значимость стала в последние годы признаваться многими специалистами²⁰.

Как отмечалось, «применительно к европейскому региону постсоветского периода наиболее актуален следующий перечень параметров функциональной грамотности: языковая грамотность; компьютерная и

²⁰ Мацкевич В.В., Крутник С.А. Функциональная грамотность / Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., Мн., 2001. С. 1172-1173.

информационная грамотность, правовая грамотность, гражданская грамотность, финансовая грамотность, экологическая грамотность, профессиональные и специальные аспекты функциональной грамотности (менеджмент, PR, бизнес-планирование, новые технологии и т.д.).

Особое место в представлении о функциональной грамотности занимает деятельностная грамотность, или способность ставить и изменять цели и задачи собственной деятельности, осуществлять коммуникацию, реализовывать простейшие акты деятельности в ситуации неопределенности. О существовании грамотности (функциональной грамотности) мы узнаем, только столкнувшись с ее отсутствием. Поэтому приходится говорить не столько о функциональной грамотности, сколько о функциональной безграмотности, что является одним из определяющих факторов, тормозящих развитие общественных отношений. Поэтому проблема функциональной грамотности рассматривается обычно не как научная и смысловая проблема, а как проблема деятельностная, как проблема поиска механизмов и способов ускоренной ликвидации безграмотности. Грамотность (функциональная грамотность) суть образовательный вызов развивающейся культуры культуре застывшей. Именно поэтому проблематика грамотности становится актуальной только тогда, когда встает вопрос о ликвидации безграмотности, когда народы, страны, культуры вынуждены наверстывать упущенное, догонять ушедших вперед»²¹.

К главным механизмам тиражирования тоталитарного типа личности (при осмысленном содействии этому процессу со стороны властей) и ее самовоспроизводства (в аспекте стремления тоталитарной личности к безоговорочному доминированию в обществе) можно отнести следующие:

— сведение всех типов и разновидностей каналов вертикальной социальной мобильности в советском обществе к единому властному институту партийного продвижения (бизнес-преуспевание, политическая карьера, подъем в церковной иерархии, шоу-бизнес и спорт, т.е. относительно автономные каналы карьерного продвижения, распространенные на Западе, были подчинены в СССР партийному контролю)²²;

— подъем людей по карьерной лестнице в соответствии с безусловно господствующим критерием личной преданности не только системе, но и конкретному ее представителю, высокие профессиональные качества (и тем более способность к критическому мышлению) выступали подчиненными (нередко даже негативными) характеристиками для выдвиженцев;

²¹ *Мацкевич В.В., Крупник С.А.* Функциональная грамотность / Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., Мн., 2001. С. 1173.

²² *Чалидзе В.* Иерархический человек. Социобиологические заметки. М., 1991.

– отсутствие механизма реальной выборной конкуренции в сфере политики, отсутствие внятных критериев определения эффективности деятельности тех или иных социальных и государственных структур и институтов;

– агрессивное отношение к «непохожести», к «иному» в своей общественной среде (это относится как к индивидам, так и к аналогичным, чужеродным институтам и корпорациям); любая несанкционированная действующей властью социальная активность оценивается – в конечном счете – как антигосударственная подрывная деятельность.

Проблема неоднозначности перспектив трансляции ценностей и идеалов «открытого общества» (общества, сознательно и пафосно оппозирующего «обществам тоталитарных личностей») в «закрытые» культурные системы освещалась в ряде исследований. Так, очерк Дж. Горера «Культурное сообщество и культурное многообразие», опубликованный в сборнике «Опасность равенства» («The Danger of Equality» – London, 1966), был посвящен демонстрации тезиса о том, что четыре базовые свободы, введенные в круг главных ценностей «открытого общества» и устоев демократии и либерализма – свобода слова, свобода религии, свобода от страха и свобода от нужды, – не имеют пространства адекватных интерпретаций ни в одном языке, кроме английского. Согласно Гореру, ни в одном другом языке нет слова, однозначно соответствующего англоязычному понятию «freedom», ибо последнее совмещает в себе два значения: «подлежать защите от» и «не иметь препятствий для»²³. (Аналогично у Э. Фромма: «свобода от» и «свобода для».)

Тоталитарная личность как современный наднациональный социальный феномен

В современной социальной философии и социологии наилучший анализ обществ, включающих в себя массовый сегмент личностей подобного типа, осуществил французский мыслитель Ж. Бодрийяр²⁴. Его характеристика поведения «масс» в контексте «конца Социального» может быть также вполне приложима к наличной общественно-психологической ситуации постсоветских социумов. Передача мелко-мельчайшей собственности в распоряжение людей (приватизация квартир и дачных участков) еще более сблизила опыт граждан «усталой» Европы, с одной стороны, и ориентации не нуждающейся в «волнительных» реформах массы населения постсоветских государств – с другой.

²³ Сидорская И.В. Открытое общество // История философии: Энциклопедия / Сост. и глав. науч. ред. А.А. Грицанов. Мн., 2002. С. 761.

²⁴ Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Мн., 2008. С. 192-207.

По мысли Бодрийяра, масса тоталитарных личностей не способна активно и осмысленно поддерживать политические лозунги и социально-преобразующие программы (за исключением агрессивно-уравнительных). Весь энергетический потенциал социального и политического такие люди поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального.

«Социальное» в этом контексте («омассовленное», тотально организованное и отстроенное) суть полная противоположность «социологического», тщетно пытающегося отобразить это «рыхлое, вязкое, люмпен-аналитическое представление». Тоталитарная масса, согласно Бодрийяру, обладает свойством «радикальной неопределенности», она не имеет какой-либо социологической «реальности», она «выступает неразличимостью нейтрального, т.е. ни того, ни другого». В массе невозможно отчуждение, ибо здесь не существуют ни один, ни другой. Массы тоталитарного типа предельно деформируют всевозможные схемы разума, они не отражают социальное, они не отражаются в нем — «зеркало социального разбивается от столкновения с ними», они не оказывают какого-либо активного сопротивления, а выступают в качестве все и вся деформирующей «гигантской черной дыры».

Информация, призванная удерживать массы в поле смысла, апеллирует к тяготению последних к зрелищности: рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массы противопоставляют собственный отказ от смысла и жажду зрелищ диктату здравомыслия, все артикулированные осмысленные политические и экономические послания-программы поглощаются их переводом массой в плоскость иррационального («голосование сердцем»).

Бодрийяр отмечает, что «после многочисленных революций и столетий даже двухсотлетнего обучения масс политике... только лишь тысяча человек готова к действию, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными»²⁵. Безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика; приписывание же им «желания подавления и порабощения» (чего-то вроде «повседневного микрофашизма») есть, согласно Бодрийяру, «последняя попытка привязать массы к смыслопроизводству».

²⁵ Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Мн., 2008. С. 194.

Конец политики, по Бодрийяру, наступает с возникновением марксизма: начинается эра полной гегемонии социального и экономического, и политическому остается быть лишь зеркалом — отражением социального в областях законодательства, огосударственных представительных институтов и исполнительной власти. По мысли Бодрийяра, в XX в. у *социального* больше нет имени, нет персонификации. Вперед выступает анонимность. Масса. Массы. Результат таков: «исчезает социальное, рассеивается и зависимое от него политическое. Единственный оставшийся агент — “молчаливое большинство”, не могущее иметь какой бы то ни было электоральной (и даже социологической) репрезентации. Массы перманентно тестируют и зондируют (преимущественно посредством так называемых СМИ): политический референт уступил место референдуму»²⁶. Массы более не субъект истории, они в принципе не способны войти в сферу осмысленной речи, они уже не в состоянии осмыслить собственное положение и свои проблемы, т.е. отрефлексировать самих себя.

Выводы. Тоталитарная личность: главные признаки

В первом приближении совокупность социально-гражданских, политических и социально-психологических сущностных характеристик «тоталитарной личности» может быть представлена следующим образом:

- отсутствие привычки и склонности к осознанному выбору между принципиальными жизненными альтернативами, способными привести человека к резкому росту индивидуальной ответственности за свою судьбу;
- страх и недоверие, доминирующие в отношении к институту частной собственности (исключая личную собственность, размеры которой совершенно произвольно определялись экономической политикой властей);
- понимание социальной справедливости как формального имущественного равенства;
- устоявшаяся склонность к чисто ритуальному характеру политических мероприятий;
- безоглядная вера в осуществимость и эффективность простых, волевых, «справедливых» решений в сферах публичной политики и экономики;
- категорический отказ от идеи вариабельности социального бытия в его динамике;
- отсутствие культа экспертных оценок и специальной профессиональной подготовки, необходимых для управления обществом (результатом)

²⁶ Там же. С. 197.

тат профанации массового социально-гуманитарного знания, присущего коммунистическим образовательным практикам);

– социальная зависть;

– нежелание преодолевать присущую подавляющему большинству функциональную неграмотность посредством непрерывного образования и самообразования, отказ от процедур индивидуального и трудозатратного самосовершенствования;

– минимизация жизненных запросов.

Очевидно, что данные параметры «тоталитарной личности» являются глубоко укоренившимися и производными от ее универсальных и системных социологических и социально-философских характеристик, а также перманентно тиражируемыми наличной системой социализации человека.

Становление гражданской идентичности в таких условиях оказывается обусловлено не столько фактом осознания личностью собственной гражданской принадлежности, сколько тем патерналистским отношением этатизма, которое к ней проявлено, и принятием данного факта как значимого в жизни человека. Мера и степень карьерного продвижения являясь единственным мерилем личного успеха личности подобного типа в контексте массовых ее оценок ей подобными.

Базовым идентифицирующим механизмом также является над- и вненациональный патриотизм, как чувство приверженности гражданской общности, признание ее значимой ценностью.

В настоящее время в российской социальной философии и социологии входит в интеллектуальную моду установка на позитивное «совмещение» «философских выводов» и «общих положений социально-научных дисциплин», исходящая из подчеркнуто междисциплинарного статуса социальной теории. Постулируется, что эвристичная социальная теория являет собой «органический синтез социально-философского учения об обществе и теоретического ядра общих социальных дисциплин, изучающих различные стороны жизнедеятельности людей в обществе»²⁷.

Поэтому осмысление любого социального феномена в контексте подходов социальной теории требует своеобразной междисциплинарной «рамки», основывающейся как на парадигмах социальной философии, так и на принципах общетеоретического социологического знания.

Так, в этом исследовательском контексте природа и сущность тоталитарной личности может квалифицироваться в границах следующих констатаций:

²⁷ Резник Ю.М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. М., 2007. С. 317.

1) ее правомерно рассматривать как вполне естественный продукт эволюции человеческих обществ;

2) она является столь же выдающейся в своем генезисе, сколь уникальна личность современной протестантской культуры (демократическая и либеральная);

3) протестантская личность и личность тоталитарная прямо противоположны друг другу по степени пластичности собственной идентичности: смена политической идентичности выступает решающей лишь для последней из них;

4) тоталитарная личность не располагает какой-то изначальной ущербностью в сопоставлении с личностью протестантского типа. Эффективность их сравнительной системной жизнеспособности регулярно определяется в непосредственных военных столкновениях (типа Второй мировой войны) и в никогда не прекращающейся конкурентной борьбе экономик, реализующейся сегодня в формате предельно жестокой и безжалостной «войны культур»;

5) в XX столетии военно-историческое соревнование между государствами демократически-либерального лагеря (опирающимися на тип личности, активно и осмысленно стремящийся к гарантированию индивидуальных гражданских свобод) и державами-мегамашинами (массово и планомерно воспроизводящими массив тоталитарных личностей) продемонстрировало существенное преимущество первых из них. С эпохи развертывания НТР, когда развитие науки и новейших технологий обрело статус определяющего фактора общественно-экономического развития, тип личности, ориентированный на ценности свобод самовыражения, творчества, состязательности и плюрализма каналов вертикальной социальной мобильности, приобрел ресурс стратегических — и по всей вероятности долгосрочных, — конкурентных преимуществ.